

Источник: Бученков П. А. Два очерка В. Тендрякова // Наши современники : лит.-критич. ст. / П. Бученков. — Тула, 1954. — С. 66-78.

ДВА ОЧЕРКА В. ТЕНДРЯКОВА

Перед широкой читательской аудиторией В. Тендряков впервые выступил в 1953 году с очерком „Падение Ивана Чупрова“¹. Молодой автор сразу был „замечен“, а последующие его произведения — очерк „Ненастье“² и повесть „Не ко двору“³ были прочитаны с еще большим интересом.

Все названные произведения привлекли читателя остротой поставленных в них проблем, партийным подходом к их разрешению, яркостью нарисованных образов и картин, свежестью красок.

„Падение Ивана Чупрова“ писатель назвал очерком, и для такого определения жанра произведения есть все основания: автор с такой достоверностью, „документальностью“ излагает всю историю „падения“ своего героя, что в его „конкретном существовании“ не сомневаешься; носит ли герой свою собственную фамилию или он выведен под псевдонимом — это не имеет значения. Важно одно: писатель опирается на конкретный жизненный материал.

Однако это произведение, как и многие очерки В. Овечкина, Г. Троепольского („Из записок агронома“), в жанровом отношении можно определить и как рассказ: внимание автора в нем сосредоточено на одном моменте из жизни героя, а именно: на истории его „падения“; налицо присущая рассказу композиционная стройность, четкость повествования; основная цель

¹ „Новый мир“, № 11, 1953 г., стр. 104.

² Там же, № 2, 1954 г., стр. 166.

³ Там же, № 6, 1954 г., стр. 42.

автора — раскрыть внутренний мир героя и те психологические побуждения, которые привели вначале честного Ивана Чупрова к грубым ошибкам. Перед нами факт близкого „родства“ двух жанров, и напрасно некоторые товарищи недооценивают очерк: опыт В. Овечкина, Г. Троепольского, А. Калинина, В. Тендрякова и др. со всей очевидностью показывает, что хороший очерк является достоянием нашей „большой“ литературы.

В основу очерка „Падение Ивана Чупрова“ положена важная, большая идея: человек, оторвавшийся от народа, даже если он и талантлив, богато одарен от природы, становится объективно вредным нашему обществу.

История падения Ивана Чупрова, председателя колхоза „Красная заря“, — это история отрыва способного человека от народа, потери им партийного, государственного подхода к разрешению жизненных вопросов. Результат этого процесса крайне печален: Чупров оказался в одном лагере с „поганками“, обворовывающими колхоз и государство.

Образ Чупрова выписан ярко, психологически убедительно, и именно в этом в первую очередь проявилось художественное мастерство В. Тендрякова.

Став председателем колхоза, Иван Маркелович Чупров много сил положил, чтобы сделать свой колхоз богатым. Вначале он столкнулся с недоверием колхозников, которые не соглашались с новыми методами, избранными председателем для достижения хорошей жизни.

Как же! Свалил бесполезный соснячок, а посеял не рожь, а лен: „выгоднее!“; выручили на льне сорок тысяч, их надо бы раздать колхозникам, а председатель стал строить свинарник на сто голов и т. д. ...

В эти годы Чупров не испытывал моральных мучений из-за того, что не всем нравились его мероприятия: его поддерживал секретарь парторганизации Никита Кузьмич Бессонов, да и сам он был уверен в правильности своих действий. И „год от году стал подниматься колхоз „Красная заря“: в колхозе было много птицы, племенного скота, выращивался лучший в районе лен, имелось 5 автомашин, электричество. „Счастливым

колхоз“, — так характеризует его сам Чупров, встретившись с Бессоновым.

За пятнадцать лет работы Чупров завоевал авторитет как умный, хороший руководитель; казалось бы, нужно дорожить этим авторитетом, ценить доверие колхозников, честно и открыто решать вместе с ними все вопросы хозяйственного строительства.

Но перевели Бессонова в другой колхоз — и стал Иван Чупров спотыкаться. И все потому, что переоценил свои заслуги перед колхозом, не мог понять, что без колхозников и он ничего бы не сделал. „Прибавилось в нем этакое „я решу“ да „я сделаю“. Колхоз — это „я“!“ Прошло немного времени и Чупров перестал отделять „свое от колхозного“. Это и привело его к падению. Началось, кажется, с небольшого: „Приехал гость, нужна на стол гусятина, мигнул — на тебе, гусь!“ Колхозный гусь из огромного стада — это немного, „мелочь“, как говорит Алексей Быков, сменивший Бессонова на посту секретаря, „капля в море“, как определяет сам Чупров. Но дело в том, что в народном государственном деле „мелочей“ не бывает, и вот одна неисправленная ошибка повлекла за собой другие. Чупров, получив со склада сельхозснабжения кровельное железо для колхоза, берет полтора ста листов на крышу своего дома; он готовит изобильное угощение (тут и гусь, и молочный поросенок, и глазастая яичница, и напитки) для „князя“, через которого надеется получить стройматериалы, минуя систему государственного снабжения; в дальнейшем он пропивает в ресторане семь с половиной тысяч колхозных рублей, рассчитывая получить от жуликов, обворовывающих государство, стекло и трубы для строящейся в колхозе теплицы. Чупров стал решать колхозные дела, таким образом, за бутылкой, оправдывая свои действия тем, что он не для себя старается, а в интересах колхоза („... если запускал куда руку, то на их пользу“; „... не для себя живу, для колхоза!“).

Вот почему и ревизия его не беспокоит: члены ревизионной комиссии — „свои люди, не враги же они колхозу“ (подч. мною — П. Б.).

Ивану Чупрову не один раз давали понять, что в колхозе „нечистые дела заводятся“. Алексей Быков сравнил его с царьком, распоряжающимся в колхозе

самовластно („Слова не скажи против, вроде царька ты в колхозе, Маркелыч“); колхозники поговаривают: „председатель — пан в колхозе, что душеньке надо, берет, не спрашивает“, и эти суждения колхозников доводит до Чупрова Глафира; об этом говорит ему и колхозный счетовод Никодим Аксеныч Ляпин, надеясь получить „благодарность“: „На тебя обижаются... ты власть большую забрал (уж прости, с чужих слов говорю), куда только хочешь, свою руку запускаешь...“ (Характерно, что жена Чупрова привыкла к „хозяйскому“ положению мужа, и стоило появиться гостю — „бегала то на склад за свининкой, то на птицеферму за свежими яичками“).

Но не внял этим словам Чупров, не сделал из них выводов: слишком уж уверовал он в свое исключительное положение в колхозе („Не я б — сидели б, поди, до сих пор, как в „Свободе“, „при керосинчике“), переоценил свое значение („Строить, так строить — навечно, чтобы потомки вспоминали Ивана Чупрова“).

Не хватило Чупрову партийного подхода к делу, не смог он понять, что государство и колхоз нельзя обманывать, и потому оказался в конце концов в руках жулика — колхозного счетовода Никодима Аксеныча. Неспроста последний напомнил Чупрову о том, будто председатель „сам себя не забывает, пьет вволю с дружками, ест влать: „Ну-ка, мол, скатерть-самобранка“ — и готово. Не жизнь, а масленица“. Он припугнул Чупрова разоблачением, и заплясал председатель колхоза под дудку мерзавца, „волей-неволей“ стал помогать ему воровать.

Правда, это произошло не сразу. Сначала Чупрова возмутили претензии бухгалтера („Уж не хочешь ли погреться на колхозных покупках!“), но тем не менее он решил его „приметить“; второй раз он в гневе готов был расправиться с жуликом („Та-а-к! Уходи-ка отсюда, божий человек! Уходи с глаз, пока не раздавил и душу твою поганую не вытряхнул!“), но закончилось все обещанием — „не обижу!“

Запутался Чупров, и при явном его попустительстве положил жулик в карман колхозные денежки. Если вначале он, боясь разоблачения, только помогал Ляпину красть колхозные деньги, то потом их роли фактически поменялись: уже жулик-бухгалтер, пригла-

шая председателя в свою компанию, обещает: „Не обделим“. „Хотел или не хотел того Иван Чупров, но он входил в „базарный“ пай к бухгалтеру и Павлу Штукину. Только с той разницей, что брал свою долю не деньгами, а натурой — водкой“.

В нем еще пробуждается совесть, он не может мириться с тем, что его, Ивана Чупрова, подкупают, и решается ехать в райком, чтобы рассказать о своих ошибках.

Писатель великолепно показал душевное состояние Чупрова в момент, когда он поехал в райком: „Чупров сидел в санях и горбился от тяжелых мыслей.

Каким он был раньше! Ругали его, сплетни пускали, на собраниях кричали против — и ничто не пугало, знал твердо: все эти сплетни, вся эта брань, что дорожная грязь на сапогах, пока свежа — держится, подсохнет — сама отпадет, лучшие колхозники всегда поддержат. А последнее время стал бояться брошенного случайно косога взгляда. Совесть нечиста“. (Сразу вспоминаются знаменитые пушкинские слова: „Да, жалок тот, в ком совесть нечиста!“).

Чупров, кажется, искренне стремится „разорвать веревочку“, но в последний момент его оставляет мужество, и вместо признания ошибок он начинает разговаривать с секретарем райкома по другому вопросу.

И опять-таки удачно подмеченная психологическая деталь, объясняющая, почему Чупров не осмелился признаться в своих грехах. „Если сказать, голос секретаря станет жестким, лицо сухим. Чупров почувствовал: он не в силах нарушить этот приятный, дружеский тон. Сами собой *подыскались* слова“. Чупров не готовил себе отступления заранее; нет, другие слова „подыскались“ в самый последний момент, когда он уже был в кабинете секретаря. Не хватило мужества у Чупрова, и осталось ему в удел везти на себе вора, „коль потерял людское обличье!“

В этом положении Чупрову, обросшему поганками, было трудно смотреть в глаза честным людям, и он стал пить. Если в первый приезд Бессонова, до „падения“, он предлагает выпить „за счастливый колхоз“, то в последний раз провозглашается тост совершенно другой: „Вот, выпей, Никита. Выпей *за помин души*“

своего друга, председателя колхоза Ивана Чупрова. Вып-пей“.

Образ Чупрова — самое яркое и убедительное опровержение всего того, что сказано В. Померанцевым в его притче о бой-бабе¹.

Эта „практичная, зубастая, умная“, как ее характеризует автор, председательница колхоза идет к социализму, обходя советские порядки и законы, и строя благополучие колхоза на... самогоне!

Статья Уголовного кодекса, защищает свою героиню автор, „...говорит о самогоне, изготовляемом для потребления... А бой-баба изготовляет его для поощрения. Второй пункт статьи карает сбыт самогона с целью личного обогащения, а у бой-бабы общественное служение...“ (Подч. В. Померанцевым.)

Да, ведь, и Чупров думал об „общественном служении“, когда совершал незаконные сделки.

Бой-баба в этом отношении от него ничем не отличается.

Лишь авторы этих произведений стоят на различных позициях: В. Тендряков осуждает своего героя, В. Померанцев — оправдывает.

Ему кажется естественным, что колхоз приобрел четыре лодки, расплачиваясь самогоном (бой-баба приобрела их для колхоза, ну а те, кто продал их, — обогатили свой колхоз самогоном?); что в делах колхоза нет документов на ряд машин и материалов; что за паклей и войлоком „отправились в многодневный таинственный рейс два колхозника“, запасшись „вспахтанным на сепараторах маслом“; что в колхозе имеются бочки и кадки подозрительного происхождения.

В. Померанцев настойчиво пытается уверить читателя, будто, идя „по боковым канавкам возле прямой и широкой дороги“, эта женщина все же движется к нужной цели. „Некоторые ее поступки дурны, — соглашается автор, однако тут же добавляет: — но, идя за нею, люди идут за хорошим“.

Странная логика: дурные поступки ведут к хорошим делам!

¹ Статья „Об искренности в литературе“. „Новый мир“, № 12, 1953 г.

Уже эта попытка примирить противоположные принципы свидетельствует о порочности всей статьи.

В. Тендряков в своем очерке наглядно показал, что „боковые канавки“ привели Ивана Чупрова к падению, к полному краху... И, конечно, невозможно представить „взлет“ Чупрова, подобный тому, какой совершила померанцевская бой-баба, ставшая, по уверению автора статьи, отличным руководителем районного масштаба.

Важную роль в очерке В. Тендрякова играет Никита Бессонов, настоящий коммунист, человек, который никогда не смешивает личные интересы с общественными. Он представляется полной противоположностью Ивану Чупрову.

Если Чупров достает железо обманом, а стекло и трубы приобретает у жуликов и проходимцев, то Бессонов все необходимое получает плановым порядком, на складах сельхозснабжения; если из „Красной зари“ машины едут на базар в областной центр, где можно дороже продать продукты, то из колхоза „Вторая пятилетка“, где председателем Бессонов, продукты идут на колхозный рынок в райцентр.

Вокруг Бессонова — честные, трудолюбивые люди, к нему „молоденькие... липнут“, а Чупров, „как старый пень, не дружками, поганками оброс“. Председатель „Красной зари“ потерял веру в свои силы и в правоту своих действий, а Бессонов „не только сам верит, но и этих (председателей лучших колхозов района — П. Б.) заставил поверить, что его колхоз скоро поднимется до них“. Естественно, что, действуя различными методами, они по-разному и оценивают друг друга.

Чупров, уважая Бессонова, считает его „праведником“, что в его устах звучит не совсем лестно, а Бессонов, наблюдая за проявлениями „хозяйской хитрости“ Чупрова, называет его „ловкачом“, а действия его в обход установленного порядка („Все достаешь?“) приравнивает к жульничеству (не без основания Чупров при встрече с Бессоновым на рынке боится того, что „Никита сейчас все разгадает“).

Естественно, что будь Бессонов рядом, он не дал бы Чупрову упасть. Находясь „вдалеке“, он лишь изредка попадает к старому другу и замечает, что Чупров изменяется. При этом Бессонов не остается пассивным наблюдателем.

После „истории“ с гусем он предупреждает своего преемника, секретаря парторганизации Алексея Быкова, чтобы тот „смотрел“: „Споткнется — ты ответишь. Ты партийный секретарь... Спросят, и на молодость не посмотрят“. Самого Чупрова он тоже предупреждает: „Все достаешь? Смотри!.. Уж больно быстро все достается“. Этих предупреждений оказалось недостаточно; к тому же у Алексея Быкова слишком слабой была партийная закалка, чтобы во-время остановить Чупрова, поставить его на правильный путь. Алексей не был до конца уверен в своей правоте („Он старый председатель, а я — молодо-зелено“), ему не хватило настоящей партийной принципиальности (не пошел в райком: „...для них Иван Маркелович свят и чист, а я жалобщик, клеветник“).

И „подмял“ его Чупров, „в землю втоптал“, „...перед народом унизил“ (писатель не побоялся обострения конфликта, избежал шаблона в его разрешении).

Личные переживания Алексея явились причиной его растерянности. И лишь потом, у секретаря райкома, он понял, что „за позор Чупрова отвечать придется ему, секретарю парторганизации“.

Но только ли Алексей Быков виноват в падении Чупрова?

Нет, не только он... Вдумаемся в смысл событий, происшедших на складе сельхознаба, где, конечно, не поверили, будто „в колхозе у Чупрова половина общественных построек требует перекрытия“, но тем не менее выписали дефицитный материал — кровельное железо. Чупров просил железо, зная, что „запас карман не рвет“; он получил его потому, что стучал кулаком по столу, кое-кого припугнул облизполкомом, побегал из кабинета в кабинет с бумагами.

Бессонов же, которому действительно нужно было железо, не получил его: „Не достал, разобрали“.

Не виноваты ли некоторые работники районных и областных организаций в том, что плохо знают нужды колхозов, своевременно не обеспечивают их материалами и вынуждают отдельных руководителей „изворачиваться“ так, как это делал Чупров?

О том, насколько трудно иногда председателю достать стройматериалы, говорит герой очерка В. Овечкина „В одном колхозе“ Назаров:

„А нас мелочи заедают!.. Ведь о чем только не

приходится хлопотать председателю колхоза: и где гвоздей добыть на строительство, и чем крыши покрыть, чем коней подковать, во что запрячь. На иного председателя посмотришь — так это же не председатель и даже не завхоз-экспедитор! Дни и ночи мотается по разным конторам, „снабам“, ищет, достает, выпрашивает, выменивает. Уголовное дело на председателя колхоза можно завести — как он это все добывает¹. И действительно, некоторые председатели хитрят, достают, комбинируют...

Избавить председателей колхозов от излишних забот, да еще и таких, когда приходится идти на сделку со своей совестью, — это значит лучше организовать плановое снабжение колхозов. И Пленум ЦК партии в своем решении „О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР“ указал на это.

Однако „виновато“ не только снабжение. Чупрову помогает „доставать“ председатель райпотребсоюза Ефим Арсентьевич Трезвый и „птица не маленькая“ — Николай Степанович Рябчик. И тот и другой находятся на государственной службе, распоряжаются государственным имуществом. Они имеют возможность жульничать только потому, что их плохо контролируют. А был бы хороший контроль — не удалось бы рябчику воровать стекло и трубы, чтобы продавать Чупрову.

Думается, что в падении Чупрова повинны и работники райкома партии. Почему они мало вникали в жизнь колхоза? Почему никто из них, наблюдая, как „больно быстро все достается“ Чупрову, не задумался над этим фактом? Как мы видим, автор отметил ряд обстоятельств, в известной мере обусловивших незаконные действия Чупрова, и выступил против них со всею страстностью художника-публициста, но он не оправдал Чупрова, а решительно и справедливо осудил его.

Сила и достоинство анализируемого очерка — в первую очередь в образе Ивана Чупрова. В. Тендряков показал своего героя в процессе „падения“, раскрыл перед читателем его внутренний мир, с исключительной убедительностью мотивировал все его мысли и поступки.

Тендряков „от себя“ в очерке ничего не говорит. Он стремится нарисовать яркие, убедительные картины

¹ В. Овечкин. Очерки о колхозной жизни. Сельхозгиз, 1953, стр. 123—124.

жизни и, „не навязывая“ читателю своих идей, своих выводов, достигает нужной цели: выводы естественно следуют из логики развития образов и событий.

Когда речь идет о недостатках какого-то произведения, в критических статьях нередко указывается, что, кроме главного персонажа, в нем нет других ярких, хорошо выписанных образов. Молодого автора такие замечания могут привести в недоумение: нельзя же всех герсев обрисовать с одинаковой силой! Ведь типический характер должен действовать в типических обстоятельствах, а одним из таких обстоятельств являются люди, с которыми сталкивается главный герой, и иногда их достаточно только упомянуть!

Рассуждения эти, конечно, правильны, но они нуждаются в некотором „прояснении“. Естественно, что о второстепенных персонажах автор не может говорить с такою же обстоятельностью, что и о главном герое. „Территориально“ каждый из них занимает в произведении весьма небольшое место, но тем не менее требование, чтобы второстепенные образы были даны выпукло, четко, по своей сути правильно. Ведь достигается выпуклость и четкость не большим количеством страниц, отводимых на каждого героя, а умением автора найти яркие, точные детали, через которые образ и раскрывается с *нужной* полнотой.

Вот Никодим Аксеныч — бухгалтер колхоза „Красная заря“. Уже при первом знакомстве с ним, когда при виде „покорно опущенной к столу головы бухгалтера“ и его руки, готовой „бесстрастно поставить любую цифру“, Чупров решает присвоить железо, мы получаем ясное представление об этом человеке.

„ — Учти, себе на крышу хочу взять листов полтора ста...

Бухгалтер *понимающе* кивнул“. В этом „понимающе“ весь Никодим Аксеныч: нам уже ясно, что этому человеку нельзя доверять учет колхозного имущества. И именно под этим углом зрения воспринимаются следующие дальше авторские слова, являющиеся как бы выражением мыслей Ивана Чупрова: „Удобный человек Никодим Аксеныч... Тишайший, воды не замутит“.

А дальше автор показывает *цену* покорности Никодима Аксеныча, его существо. Помогая председателю оформлять незаконные поступки, он, оказывается, хочет

поставить его перед фактом („могут притянуть за нарушение финансовой дисциплины“), чтобы „погреться“ на колхозном добре.

Чем больше запускает руку в колхозный карман Иван Чупров, тем откровеннее и наглее становится „тишайший“, тем сильнее он проявляет свою „корыстную душу“. Когда же Ляпин сумел как-то обойтись с этими пущенными на ветер семью с половиной тысячами, он уже предлагает Чупрову „жить вместе по совести“.

Окончательно он „победил“ Чупрова списочком, в котором было отмечено, „когда что брал для себя и для гостей“ председатель колхоза. Даже самые мелкие грешки председателя занес этот жулик в тетрадь, чтобы сорвать куш для себя. Так Иван Чупров попадает в лапы поганки: „И рад бы избавиться, и нельзя отпустить от себя этого подлого человека“.

Обнаглев, бухгалтер стал не только грабить, но и командовать Чупровым. Ясно, что своеобразные основания для „союза“ Чупрова и Никодима Аксеныча порождают и соответствующие отношения: „Оба *нуждались* друг в друге, но *ненавидели* один другого. Смертельно ненавидели!“ (подч. мною — П. Б.). Определено совершенно точно: „нуждались“ и „ненавидели“.

В свое время, когда Чупров зашел к бухгалтеру для оформления пришедшей партии труб и пущенных на ветер семи с половиной тысяч, „очки... придавали мелкому лицу (Никодима Аксеныча — П. Б.) значительное и таинственное выражение“. К концу очерка эта таинственность снята: читателю все ясно.

Еще меньше красок, чем на бухгалтера, автор израсходовал на Николая Степановича Рябчика. Чупров, встретив его первый раз, подумал: „Да, птица не маленькая. Стоит обхаживать“. Он покорило его в ресторане первой „демократической“, „сочно“ сказанной фразой: „А ну, перейдемте ближе к народу!“ За этой фразой последовала другая, не менее „внушительная“: „ — Ты мне нравишься! — трепля по плечу Чупрова, говорил Николай Степанович. — Всем выручу! Ты мужик. Черноземная силища! Я сам из мужиков. Вельского уезда! Стал инженером. Строятся мужики, разворачиваются! Выпьем за мужиков, которым не хватает строительных материалов“.

Рябчик — большой демагог; красивыми фразами он покори́л не одного Ивана Чупрова; вероятно, и те, кто поставил его на большую хозяйственную работу, были обмануты его красноречием: как видно, крепко держался он на своем месте, и не без основания Виталий Витальевич аттестовал своего шефа: „Он выручит... Он бог у нас“. Рябчик гуляет на чужие деньги, не задумываясь над тем, сколько их будет израсходовано. Именно с ним Иван Чупров спустил за одну ночь семь с половиной тысяч рублей, получив затем трубы, а с ними письмо: „Уважаю за широту души. Надеюсь, что ни в чем не обижу. Договаривайся с В. В. — Н. С.“.

Человеком „широкой души“ является и сам Рябчик, и мысль Чупрова: „Да, птица не маленькая“ — после знакомства с ним воспринимается уже по-другому, но более конкретно: „Да, большой жулик“. А ведь ему посвящена одна страница! Значит, и на малой „площади“ можно дать герою убедительную характеристику. Показательно, что жулики, стремясь замаскировать свои действия, прибегают к жаргону. „Надежный друг“ Чупрова Ефим Трезвый по телефону сообщил председателю: „Завтра принимай князя“. А это значило, что едет „полезный человек“. Рябчик не подписывает записку своей фамилией — он лишь ставит инициалы.

В. Тендряков стремится показать своих героев в действии, и через их жесты, движения умеет передать внутренние переживания человека. Вот, например, мы читаем: „Иван Маркелович поднялся, пошел от стола, по пути отбросил подвернувшуюся под ноги кошку, не снимая валенок, завалился на кровать“ — и сразу понимаем, что Чупров крайне раздражен.

Психологически убедительно показывает автор перемену настроения у Чупрова и в момент, когда он вспоминает день пуска электростанции, и тогда, когда в „славный“ день, наполненный запахами приближающейся весны, он идет по деревне, думая о том, как бы стать хоть на неделю прежним „суровым и справедливым хозяином колхоза“.

Нельзя не сказать о конце очерка. Автор оставил своего героя в момент, когда тот предлагает Никите Бессонову выпить „за помин души своего друга“. Писатель не говорит, что произошло большее, да и все

те, кто пришел в этот момент к Чупрову, молчат: „Что говорить— все было ясно!“ И это, действительно, так. „Разжевывание“ здесь ни к чему, к истории падения Ивана Чупрова прибавить нечего. Хорошо сделанная концовка — одно из значительных достоинств очерка.

* * *

В очерке „Ненастье“¹ нет образов, которые по своей художественной законченности могли бы стать рядом с Иваном Чупровым; он интересен значительностью поставленной в нем жизненной проблемы; в нем идет речь о вредоносной силе формализма в руководстве сельским хозяйством. С этой темой мы сталкиваемся у В. Овечкина („Районные будни“), у Макаёнка („Извините, пожалуйста!“) и у других авторов, но В. Тендряков решает ее на новом материале.

В самый разгар весеннего сева в районе льют беспрерывные дожди; цифры в сводках, которые ложатся на стол секретаря райкома, „замерли“. Продолжать сев бессмысленно: „Под такие ливни бросить семена — посмывает“. А позже сеять тоже не удастся: „Такие уж здесь места, что легко заливаются, да медленно сохнут“. „Хочешь не хочешь, — рассуждает председатель колхоза имени Малютина Андрей Малютин, — придется оставить незасеянной землю до осени, вместо яровых по этой земле посеять озимые“. Эту мысль он высказывает и на кустовом совещании председателей и активистов из колхозов.

Иначе думает Николай Степанович Глухарев, секретарь райкома. Когда-то его обвинили в зажиме критики, и спасло его то, „что он был старый работник, что у обкома не нашлось под рукой человека, который мог бы заменить его в районе“. А теперь, если район не выполнит план („Секретаря райкома меряют по району“), такой человек может найтись... Отсюда вывод: „Надо сеять! Надо сдвинуть замерзшие цифры!..“

И он настаивает на выполнении плана, предлагая выйти в поле „с лукошком через плечо“. Довод Андрея Малютина, что колхозам не нужен „план ради плана“, встречает резкий отпор: „Товарищ Малютин!.. Ты выступаешь против государственных планов. Госу-

¹ „Новый мир“, № 2, 1954 г., стр. 66.

дарство указывает: сейте яровые,— ты, как в присказке про стрижено-брито, твердишь: озимые лучше. Кто нам позволит путать государственные планы? Ты — председатель колхоза. Твое дело — выполнять по готовому. Что получится, если каждый председатель начнет по-своему переворачивать план?..

По лицу Андрея Малютина было видно, что он хочет возразить, но Глухарев не давал ему опомниться, он бил и бил увесистыми фразами. „Негосударственный подход... против государственных планов. Против государства...“

Можно было бы обратиться в область, добиться изменений в планах, но Глухарев убежден в одном: „Не стоит стараться пробить лбом стенку, достаточно выполнять то, что указывают, — сверху виднее“. Для него, как и для Борзова из очерков Овечкина, очень важно только одно: как бы сохранить незапятнанной свою репутацию перед областными органами, а будет хлеб или нет — это не имеет значения. Любопытно, что такие люди действуют, не сообразуясь с реальной действительностью: Борзов в дождь дает распоряжение пустить на поля жатки, комбайны, чтобы скорее закончить уборку урожая и таким образом выполнить план; Глухарев приказывает во имя выполнения плана бросать в воду зерно. Превращение плана в „мертвую цифру“ губительно не только для урожая.

И дело не просто в „зряшном труде“ и „погибших семенах“. Бессмысленный сев пагубно сказывается на „цене“ трудодня и дисциплине в колхозах...

Ошибка Глухарева объясняется не только желанием выслужиться или простой трусостью, она является закономерным следствием отрыва руководителя от настоящих „хозяев земли“, с которыми он не захотел советоваться...

Лишь при известии, что снимают руководство обкома, Глухарев, дрожащий за свое место, приходит к мысли: „Не всегда, видать, сверху, видней, где-то и своим умом жить приходится. Не хватало ума... Ума ли?.. Может, смелости?“ Безусловно, Глухареву не хватало того и другого, на ответственном посту он работал без огонька, который был характерен для него в комсомольские годы.

У Глухарева, как у рухнувшей березы, серединка

оказалась с гнилью. Как и Борзов, он не служил партии и государству, а „исполнял обязанности“, думая лишь о своей карьере.

В нашей стране такие люди не могут долго обманывать доверие партии и народа: Борзова, как мы знаем, сняли, Глухарев ждет та же участь — об этом говорит судьба символической березы.

В. Тендряков своим очерком в известной степени „дополняет“ В. Овечкина, когда определяет коренную причину неправильного руководства районом. Секретарь райкома плохо владеет марксистско-ленинской теорией, хотя о значении марксизма-ленинизма любит говорить в своих выступлениях. Он считает, „что великое учение вполне доступно лишь тем, кто стоит высоко вверху, у руля государства“; себе он отводит роль ломовой лошади, которая должна лишь везти и не спотыкаться; и еще менее активную роль он предоставляет рядовым людям, народным массам.

Руководствуясь этой насквозь ложной „теорией“, Глухарев живет только указаниями и планами, спущенными сверху, не проявляя собственной инициативы и не опираясь на инициативу масс.

„Ломовая“ лошадь может только тянуть, а секретарь райкома обязан воспитывать людей, самостоятельно принимать решения, направлять жизнь целого района. Марксистско-ленинское учение должно быть для него не догмой, а руководством к действию, к творческому выполнению больших задач. Не понимая этой творческой сути ленинизма, Глухарев не может и применить это учение в своей практике, не может руководить людьми. И в этом главная причина его ошибок.

Очерк „Ненастье“ бьет по формализму в самом широком смысле слова: не только по формальному отношению к планам и инструкциям, к отчетам и сводкам, но прежде всего по формальному отношению к самой основе нашей жизни — к великому учению коммунизма.
